

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ДРЕВНЕЙШЕГО ЗЕМЛЕДЕЛИЯ В АРМЕНИИ

Член-корр. АН Арм. ССР Б. Б. ПИОТРОВСКИЙ (Ленинград)

Археология уделяет в настоящее время много внимания истории развития производительных сил, определяющих характер общественного строя. В связи с этим и изучение основных отраслей древнего хозяйства — земледелия и скотоводства — постоянно находится в поле зрения археологов.

Громадный и разновременный материал, собранный в различных частях земного шара, позволяет поставить вопрос о закономерностях развития земледелия и скотоводства и наметить основные этапы их истории.

В Закавказье земледелие возникло очень рано, еще в неолитическом периоде, что подтверждается и объясняется ботаническими исследованиями. Закавказье и прилегающие к нему области Передней Азии отличаются богатством видов и сортов культурных злаков и многообразием диких злаков. К последним относится: дикая полба (*Triticum dicocoides*), апаратская пшеница (*Triticum araraticum*), дикая пшеница одностернянка (*Triticum aegipoloides*), так называемая «урартская пшеница» (*Triticum urarthy*) и дикий ячмень (*Hordeum spontaneum*)¹. Естественно, собирательство этих дикорастущих злаков и последующее их культивирование возникли в Передней Азии и в Закавказье очень давно, во всяком случае за пределами наших археологических знаний.

Раскопки поселений энеолитического периода (медного века) в Закавказье, относящихся к III тысячелетию до н. э., дают яркую картину древнейшего земледелия, которое все же, несмотря на ряд примитивных черт, никак нельзя признать за начальный этап этой отрасли хозяйства. В 1936—1938 гг. Е. А. Байбуртяном при раскопках энеолитического поселения на холме Ишенгавит, около Еревана, были открыты остатки жилищ, сложенных из сырцового кирпича на каменном фундаменте. В них были обнаружены каменные орудия, кремневые пластинки лезвий составных серпов, каменные зернотерки, изделия из кости и характерная керамика с черной до блеска лощеной поверхностью, украшенной выпуклым, вдавленным и резным орнаментом. В жилищах, около очагов

¹ М. М. Якубинер, К истории пшеницы в СССР. «Материалы по истории земледелия СССР», II, М.—Л., 1956, стр. 65—66. Там указана библиография по диким злакам в Закавказье (работы М. Г. Туманяна, В. Л. Менабде, П. М. Жуковского и М. М. Якубинера).

и в крупных сосудах были обнаружены обугленные зерна и остатки колосков злаков¹. М. Г. Туманян, изучавший зерна из Шенгавита, определил там полбу, мягкую голозерную и пленчатую пшеницу и разнообразные ячмени². Находки зерен в смешанном виде свидетельствуют о смешанных посевах пшеницы с ячменями, что долго сохранялось в горных районах Армении. В некоторых зернах пшеницы и особенно ячменя (*Hordeum antiquorum sphaerococcum*), отличавшихся отсутствием остей и пленки, а также круглой формой, М. Г. Туманян видел переходные типы от диких к культурным злакам. Ф. Х. Бахтеев этого мнения не разделял и считал, что указанные особенности ячменя из Шенгавита являются как раз теми признаками, которые появились в процессе культивирования ячменя³. Эти признаки могли иметь место даже на той примитивной стадии земледелия, которая соответствует хозяйству периода энеолита (вторая половина III тысячелетия до н. э.).

Шенгавитский материал не одинок. И в других исследованных энеолитических поселениях на территории Грузии (Хизанант-гора, Квацхелеби, Грудабертка-Цихнагора) и Азербайджана (Кюль-тапа у Нахичевани, Мингечаур) также были обнаружены зерна полбы, мягкой пшеницы и ячменя⁴.

В поселении Зудабертка-Цихнагора, исследованном в 1956 г. С. И. Надимашвили, было обнаружено помещение с очагом-жертвенником, около которого находились яма с зерном, сосуды с пшеницей и ячменем, остатки обгорелых снопов и рога быков с отпиленной верхней частью черепа. Очень возможно, что это помещение служило для культовых действий, связанных с плодородием⁵.

Земледелие в энеолитический период было примитивным, хотя оно и не было на начальном этапе. При исследовании энеолитического слоя III тысячелетия до н. э. на холме Кюль-тапа, около Нахичевани (раскопки О. А. Абибуллаева), под слоем с черной лощеной керамикой был обнаружен второй слой, отделенный от первого стерильной прослойкой в 30—40 см. Нижний, раннеэнеолитический слой имел мощность более 8 м; в нем черная лощеная керамика отсутствовала, а наряду с грубой керамикой были встречены отдельные черепки расписной керамики. Несомненно, и в более ранний период, в IV—III тысячелетиях до н. э.,

¹ Б. Б. Piotrovskiy, Поселения медного века в Армении, «Советская археология», XI, 1949, стр. 173.

² М. Г. Туманян, Культурные растения урартского периода в Армянской ССР, «Известия» АН Армянской ССР (биол. серия), 1944, № 1—2; его же, Основные этапы эволюции ячменей в Армении, «Известия» АН Армянской ССР (биол. серия), 1948, № 1.

³ Ф. Х. Бахтеев, К истории культуры ячменя в СССР, «Материалы по истории земледелия СССР», II, М.—Л., 1956, стр. 224.

⁴ В. Л. Менабде, Пшеницы Грузии, Тбилиси, 1948; Н. Д. Мустафаев, К истории возделывания зерновых культур в Азербайджане, «Труды Института земледелия АН Азербайджанской ССР», III, Баку, 1955; Т. А. Бунятов, Земледелие и скотоводство в Азербайджане в эпоху бронзы, Баку, 1957.

⁵ Доклад С. И. Надимашвили на сессии ИИМК АН СССР, 28 марта 1957 г.

существовало земледелие, на что указывают находки зернотерок, ступок, пестов и обсидиановых пластинок от составного серпа¹.

В III тысячелетии до н. э. для посевов выбирались участки, естественно орошаемые горными ручьями и речками; обрабатывались эти участки деревянной мотыгой, имевшей каменный наконечник; зерна пшеницы и ячменя засевались вместе. При жатве употреблялся серп, состоявший из кремневых пластинок (длиной 5—8 см), обработанных с двух сторон ретушью и закрепленных в деревянной или костяной рукоятке. В раннеэнеолитический период и в эпоху поздней бронзы вкладыши для серпа чаще изготавливались из обсидиана. Для обработки собранного зерна употреблялись крупные зернотерки из пористого базальта, ступки и песты, верхние камни которых имели своеобразную ладьевидную форму.

В культуре энеолитических поселений Закавказья земледелие сочеталось со скотоводством. В Шенгавите, так же как и в других местах, обнаружено большое количество костей одомашненных животных — крупного и мелкого рогатого скота, свиней и собак. Вероятно, в это время имело место и приручение дикой лошади. Найдено также большое количество фигурок, преимущественно глиняных, изображающих бычков, баранов, лошадей, и в одном случае фигурка собаки². Последняя, найденная на Кюль-тапа, около Нахичевани, позволяет предположить, что скот уже в то время составлял стада, которые охранялись собаками. Находки костей домашних животных показывают, что наряду с мелким рогатым скотом (овцами, козами) разводился и крупный, отличающийся, правда, низкорослостью, и что нет оснований считать один из этих видов скота преобладающим. Крупный рогатый скот служил также тягловой силой. На поселениях в большом количестве найдены глиняные колеса моделей повозок, кузов и дышла которых, вероятно изготовлявшиеся из дерева, не сохранились. Частое наличие на фигурках животных углублений в передней части туловища позволяет предположить, что в них закреплялись пруты, связывавшие фигурку животного с повозкой.

Сравнение материалов из более поздних энеолитических поселений с ранними выявляет увеличение численности мелкого рогатого скота, что стоит в связи с изменением техники скотоводства. Пастбища в непосредственной близости от поселений не могли уже удовлетворить кормовую потребность стад, и скот приходилось угонять на пастбища, удаленные от поселений. Естественно, эта форма скотоводства связана с численным увеличением менее прихотливого и легче передвигающегося мелкого скота³.

¹ Доклад О. А. Абибуллаева на сессии, посвященной археологии Кавказа в Ереване, 26 октября 1956 г.

² Б. Б. Пиотровский, Поселения медного века в Армении, «Советская археология», XI, 1949, стр. 176.

³ Б. Б. Пиотровский, Развитие скотоводства в древнейшем Закавказье, «Советская археология», XXIII, 1955, стр. 6.

Энеолитические поселения Закавказья характеризуют определенный этап развития культуры, дающий в разных местах одинаковые по характеру комплексы памятников материальной культуры, что подчеркивает закономерность развития форм хозяйства. Закавказскую энеолитическую культуру, связанную с подобной же, распространенной в северной части Малой Азии, мы сравним с энеолитической культурой Средней Азии, несколько более ранней (IV—III тысячелетия до н. э.) и тяготеющей к другому кругу энеолита, к иранскому. Несмотря на различное происхождение этих культур, они имеют много общего. Среднеазиатский энеолит особенно хорошо представлен археологическими памятниками предгорной зоны Копет-дага, в южной Туркмении. В настоящее время широко развернувшиеся работы по их изучению вывели стратиграфию этих культур и их соответствие с культурами Ирана¹.

В южной Туркмении наиболее яркие памятники относятся к III тысячелетию до н. э. В это время возникают уже крупные поселения, как городище Намазга-депе и некоторые другие, достигающие нескольких десятков гектаров. В их культуре, наряду с каменными предметами, встречаются медные и первые бронзовые изделия: кинжалы, наконечники дротиков и копий, серпы и различные украшения. Особенно высокое качество имеет керамика светлого цвета с темно-бурой росписью, напоминающей кроме геометрического орнамента также изображения козлов, барсов и птиц, связывающих эту керамику с переднеазиатской. Из глины изготавливались фигурки культового значения, изображающие нагих женщин, редко мужчин, а также животных и колесные повозки. Весь набор предметов по характеру весьма близок к предметам из закавказских энеолитических поселений, несмотря на существенные отличия в их форме, что делает несостоятельным предположение о зависимом их развитии.

Основой хозяйства древнейших оседлых поселений южной Туркмении было примитивное земледелие на естественно орошаемых землях, сочетавшееся со скотоводством, которое преобладало в более северных культурах, объединяемых термином Андроновская культура, имеющих большое число вариантов². Таким образом, и хозяйство древних поселений Средней Азии и Закавказья IV—III тысячелетий до н. э. было сходным. В разных местах, ввиду отличия географических условий, удельный вес земледелия и скотоводства был иным. Так, в южной Туркмении преобладало земледелие, а в Закавказье — скотоводство. Но дальнейшее развитие культуры в обоих районах шло закономерно по линии усиления роли скотоводства. На низкой ступени развития производительных сил скотоводство легче, чем земледелие, давало прибавоч-

¹ В. М. М а с с о н, Первобытно-общинный строй на территории Туркмении и Б. А. К у ф т и н, Полевой отчет в работе XIV отряда ЮТАКЭ в 1952 г., «Труды Южно-Туркменской археологической комплексной экспедиции», VII, Ашхабад, 1956, стр. 233 и 260.

² «Очерки истории СССР, первобытно-общинный строй и древнейшие государства на территории СССР», М., 1956, стр. 138 и 168.

ный продукт. Земледелие долго оставалось примитивным, не могущим обеспечить высокие и устойчивые урожан, в то время как скотоводство стало развиваться интенсивно.

Рост поголовья скота и необходимость обеспечить скот кормовой базой привели к освоению высокогорных лугов, богатых травой. Но эти луга — сезонные, и так как постоянные поселения в их зоне существовать не могли, то скотоводство приняло форму полукочевого-отгонного¹, с выгоном скота в горы на летнее время. Новый вид скотоводства оторвал его от земледелия, и можно заметить, что в начале II тысячелетия до н. э. земледельческие поселения энеолитического времени в долинах и в предгорьях затухают, и жизнь на них прекращается примерно на целое тысячелетие. Старые места поселений первобытных земледельцев и скотоводов заселяются вновь при втором подъеме земледелия уже в начале I тысячелетия до н. э.

В крупных урартских крепостях (Армавир, Цовинар), крепостях античного периода (Гарни) и городах древней Армении (Двин), под культурными слоями этих эпох находится слой с энеолитическим материалом при отсутствии или незначительности остатков промежуточного времени — эпохи бронзы².

В середине II тысячелетия до н. э. в Закавказье на основе энеолитической культуры вырастает богатая культура скотоводческих племен. В это время ведущее положение принимают племена, богатые скотом и ведущие обмен со странами древнего Востока, в частности с окраинными восточными областями хеттского царства. До нас дошли богатейшие курганные погребения вождей этих племен, исследованные в 1936—1947 гг. в Триаletском районе Грузии Б. А. Куфтиным и в 1948 г. мною в Кировакане. В этих курганах обнаружено много предметов из драгоценных металлов: золотые и серебряные кубки с чеканными изображениями и украшениями из камней и пасты, золотые бусы с тонкой филигранью и вставными камнями, серебряные булавки с золотыми навершиями, также чрезвычайно тонкой работы. Большинство указанных предметов, являющихся образцами высокоразвитого и специализированного ювелирного искусства, требующими больших навыков и долголетней традиции, не может соответствовать уровню техники горных скотоводческих племен. Естественно предположить, что значительная часть наиболее художественных предметов из указанных курганов попала в Закавказье из соседних областей путем обмена. На это указывают и предметы вооружения из Триаleti и Кировакана, также обнаруживающие аналогии с хеттским вооружением.

Несмотря на то, что некоторые предметы из этих богатых курганов середины II тысячелетия до н. э. следует признать привозными или изготовленными под влиянием культуры северо-восточной части Малой

¹ О термине «отгонное скотоводство» см. А. З. Тамашян, Крупный рогатый скот Армении в прошлом и настоящем, Ереван, 1947, стр. 17—18.

² Б. Н. Аракелян, Гарни, I, 1951, стр. 22—27; К. Г. Кафадарян, Город Двин и его раскопки, I, Ереван, 1952 (на арм. яз.).

Азии, вся же культура в целом представляется органически связанной с более ранней закавказской культурой, заняв даже территорию рассмотренной нами энеолитической культуры. Но в прежних центрах ее нам известны рядовые могильники культуры II тысячелетия, так как главенствующее положение уже перешло к горным племенам, богатым скотом. Земледелие этой поры слабо представлено раскопанными памятниками. В богатых курганах оно не отражено вовсе, и только раскопки на холме Узерлик-тепе, около Агдама (Мильская степь), в слоях одновременных богатым курганам, дали зерна твердой пшеницы (*Triticum durum* Desf.) и ячменя (*Hordeum sativum*), а также косточки винограда¹. Темпы развития земледелия в это время уступали темпам развития скотоводства. Даже в эпоху ранней бронзы собирательство сопутствовало развитому земледелию. Я. И. Гуммель при раскопках Ханларского поселения, в том же жилище, где была найдена косточка персика, собрал большое количество косточек каркаса — дерева, широко распространенного в Нагорном Карабахе. В полу двух других жилищ им были обнаружены крупные сосуды, содержавшие семена и плоды диких растений, в частности белой лебеды (*Chenopodium*). Семена лебеды и мари, а также косточки каркаса, известны и из погребений².

Та же картина постепенного затухания земледельческой культуры наблюдается и в южной Туркмении. Ко II тысячелетию до н. э. там относятся мощные наслоения южного холма Анау (Анау III) и верхние слои Намазга-депе. Жизнь на этих крупнейших поселениях Прикопетдагского района замирает в конце II тысячелетия до н. э.³, что обычно ставится в связь с продвижением в предгорную зону кочевых племен, а также с изменением природных условий, но и тут налицо усиление скотоводства.

В то время как земледельческо-скотоводческая культура энеолита и бронзы южной Туркмении обнаруживает связи с южными областями, с Ираном, культура северных областей Средней Азии, в частности Хорезма, в которой преобладало скотоводство, тесно связана с Андроновской культурой, широко распространенной во II и в начале I тысячелетий до н. э. в Казахстане и в Западной Сибири. В это время уже начинает оформляться характерная черта исторического развития Средней Азии — сосуществование культур земледельцев и кочевников-скотоводов. Интенсивное развитие скотоводства и более замедленное земледелие в период эпохи бронзы для Кавказа и Средней Азии является исторической закономерностью. Культура скотоводческих племен Закавказья II тысячелетия до н. э. легла в основу культуры развитой бронзы конца III и первой четверти I тысячелетия до н. э. Изучение памятни-

¹ К. Х. Кушнарева, Раскопки на холме Узерлик-тепе, около Агдама. «Краткие сообщения» ИИМК АН СССР, вып. 69, 1957, стр. 134.

² Я. И. Гуммель, К проблеме археоботаники Закавказья, I. «Сообщения» Грузинского филиала АН СССР, I, № 10, 1940, стр. 745.

³ В. М. Массон, Первобытно общинный строй на территории Туркмении. Труды ЮТАКЭ, VII, Ашхабад, 1953, стр. 250—251.

ков развитой бронзы, блестящего полутысячелетнего периода древнейшей истории Кавказа, освещает один из важнейших этапов первобытно-общинного строя. Это был период интенсивного развития территориально ограниченных культур горных племен, связанный с освоением горных пастбищ и рудных богатств. Скотоводство, широко использовавшее естественные условия страны, переживало значительный подъем, и освоение летних высокогорных пастбищ (иногда выше 2 км над уровнем моря) достигло в эпоху бронзы своих пределов. Металлургия была еще неотделима от местной сырьевой базы — рудных месторождений, и поэтому бурный расцвет обработки металла был также связан со скотоводческими племенами¹. К сожалению, поселения эпохи развитой бронзы изучены далеко не достаточно. Это приводит к тому, что и хозяйство начала I тысячелетия до н. э. мы знаем очень плохо. Из злаков продолжали культивироваться мягкая и твердая пшеница, многорядные и двурядные ячмени (Ф. Х. Бахтеев указывает, что по отдельным зернам очень трудно различить многорядный и двурядный ячмень)², а также просо (*Panicum italicum*), образцы которого обнаружены в Мингечауре и в доурартском поселении Кармир-блур.

Земледельческие орудия эпохи развитой бронзы представлены немногочисленными образцами. Для обработки почвы в это время, кроме деревянной мотыги с каменным или бронзовым наконечником, возможно, употреблялся и примитивный плуг, существовавший уже у южных соседей закавказских племен. Из могильников выходит сравнительно большое число серпов, двух одновременно встречающихся типов. Первый, наиболее ранний, это составной серп из кремневых или обсидиановых вкладышей, закрепленных в рукоятке, второй — металлический кованый серп небольшого размера с деревянной рукояткой. В Бешташенском могильнике (Триалети) оба типа серпов встречены в одной могиле³, что, быть может, указывает на какое-то особое назначение серповидного оружия, которое могло служить секачем для плодородческих работ.

Среди земледельческих орудий эпохи бронзы особый интерес представляют остатки молотилки, типа, обычного для горных районов Кавказа. Это плоская дубовая доска с углублениями на нижней стороне, в которые вставлялись куски кремня. Опубликованы три такие находки из погребений. Первая доска была найдена Ж. де Морганом в Ахтале (Армения), вторая — Я. И. Гуммелем в одном из погребений кургана № 2 в Ханларе; третья происходит из Самтаврского могильника⁴. Кроме того, мне известны еще две неопубликованные находки остатков таких

¹ Б. Б. Пиотровский, *Археология Закавказья*, Л., 1949, стр. 114.

² Ф. Х. Бахтеев, *К истории культуры ячменя в СССР*, «Материалы по истории земледелия СССР», II, М.—Л., 1956, стр. 224.

³ Б. А. Куфтин, *Археологические раскопки в Триалети*, I, Тбилиси, 1941, табл. XLIV.

⁴ См. Т. А. Бунятов, *Земледелие и скотоводство в Азербайджане в эпоху бронзы*, стр. 44—47, где приведена литература по этим находкам.

молотильных досок, вернее камней от них (Юго-Осетия, Внутренняя Картли).

Общество Закавказья начала I тысячелетия до н. э. представляло собою отдельные союзы племен, стоявших на последней ступени первобытно-общинного строя. Постоянные военные столкновения из-за скота, пастбищ и рудных месторождений приводили к объединениям и союзам, во главе которых становились наиболее богатые и сильные племена. Это был тот этап развития общества, на котором вырастали ранние древневосточные государства. Но естественный рост и развитие общества южного Закавказья был нарушен влиянием с юга и завоеванием земель нынешней Армении со стороны Урарту. Население этих областей было включено в VIII в. до н. э. в состав древневосточного государства. Урартский период истории Закавказья хорошо представлен раскопками, главным образом, двух крепостей на окраине Еревана — Ариш-берда (древн. Еребуни) и Кармир-блур (древн. Тейшебаини). Первая крепость, более ранняя, относилась к VIII в. до н. э.; она была построена урартами в связи с их продвижением в Севанский район. В крепости находились царский дворец, храмовые помещения, хозяйственные постройки. Для ее сооружения и обслуживания из западных приевфратских областей было пригнано 6600 пленных. Несколькими годами позже в Арагатской низменности был основан крупнейший урартский центр — Аргиштихинили (Армавирский холм). Урарты, завоеывая закавказские земли, для большей их эксплуатации строили там свои административные центры, превращали целые районы в центры земледелия и садоводства. Особенно развивали урарты ирригационные работы: клинообразные надписи постоянно рассказывают о проводке каналов, посевах на полях, о разведении виноградников и о насаждении плодовых садов и рощ.

Несомненно, закономерным представляется тот факт, что основой хозяйства древневосточных государств было уже не скотоводство, а земледелие. И вот в Закавказье первой половины I тысячелетия до н. э. наблюдается второй подъем земледелия, уже на возросшем уровне развития производительных сил, при котором земледелие могло давать необходимый прибавочный продукт. Повышение и устойчивость урожайности достигались созданием благоприятных условий путем ирригации, отбором и выведением сортов, высокой техникой самого земледелия и уходом за полями в целях ликвидации сорняков.

Включение южных областей Закавказья в состав урартского государства, несомненно, повлияло на развитие производительных сил страны, на интенсификацию земледелия.

Громадный материал, выявляющий высокий уровень земледелия, дали раскопки Кармир-блур (Тейшебаини), урартского административного центра VII в. до н. э.¹

¹ Б. Б. Piotrovskiy, История и культура Урарту, Ереван, 1944. Мною использован текст, подготовленный для нового издания книги.

Надпись на стеле Русы II, сына Аргишти, обнаруженная в 1901 г. при раскопках Звартноцского храма, рассказывает о больших работах, проведенных урартами на правом берегу р. Раздан, напротив Кармир-блур: «Руса, сын Аргишти, говорит: в долине Куарлини (или Кублини) обработанной земли там никогда не существовало. По приказу бога Халди я этот виноградник развел, поля с посевами, плодовые сады кругом устроил я там, города я ими окружил. Канал из реки Ильдаруни я провел». Из этого текста видно, какое большое значение придавали урартские цари ирригационным работам. Красноречивым свидетелем большого размаха работ является упомянутый в тексте канал, сохранившийся до наших дней напротив Кармир-блур. Через большой тоннель, пробитый урартами в толще андезито-базальтовых скал, и теперь течет вода Эчмиадзинского канала, орошающего правый берег р. Раздан.

Зерновые остатки, найденные при раскопках Кармир-блур, обработаны М. Г. Туманяном, В. А. Петровым, М. М. Якубцинером и Ф. Х. Бахтеевым. Цитадель города Тейшебы являлась тем местом, где хранились запасы зерна, собранного на землях вокруг города и поступившего в виде дани из закавказских областей.

Среди хлебных злаков наиболее широко были распространены мягкая пшеница (*Triticum vulgare* Will.) и многорядный ячмень (*Hordeum vulgare* L.) разных сортов, связанных с аборигенными формами этих злаков. М. Г. Туманян отмечает отсутствие семян сорняков, чистоту и сравнительную однородность зернового материала. Обращает на себя внимание крупная круглозерная пшеница.

Весьма распространенной зерновой культурой в Урарту было просо (*Panicum miliaceum*); из его сортов на Кармир-блуре особенно хорошо представлено итальянское просо (*Setaria italica*); известны и немногочисленные остатки зерен сорго (*Sorghum*).

При раскопках одного из помещений в северо-западной части цитадели среди пищевых запасов были найдены остатки хлеба, выпеченного из просяной муки крупного помола. Хлеб этот был плоским, имел овальную форму с утолщенными краями и отверстием посредине. Такой хлеб, называемый бокон, доживает и до наших дней.

Просо, наряду с ячменем, употреблялось и для приготовления пива: были найдены удлиненные крупные сосуды с солодованным просом и ячменем.

В Урарту, как и в Ассирии, широкое распространение получила культура кунжута (*Sesamum orientale* L.), из которого готовилось растительное масло. На Кармир-блуре запасы кунжута были обнаружены в четырех карасах, помещенных в небольшой кладовой, а три больших помещения цитадели были отведены под мастерскую для изготовления кунжутного масла. Производство кунжутного масла у урартов было изучено З. М. Касабяном. Следует отметить, что техника его приготовления мало чем отличалась от современного кустарного способа выжимания кунжутного масла. Кунжут был найден также и в смешан-

ном запасе зерна, среди ячменя и семян двух бобовых — нута (*Cicer arietinum*) и чечевицы (*Ervum Lens.*).

В одном из сосудов оказались семена масличного крестоцветного *Samelina migosa*, а в чашке, сделанной из разбитого горшка, лежали рубленые листья и стебли одного из видов закавказского чабреца (*Thymus*). Это растение в сушеном виде и до настоящего времени употребляется как пряность и примешивается в сыр и кислое молоко. Употребляют его также и для приготовления настойки.

В одном из биноклевидных сосудов, найденном в цитадели, по определению В. О. Гулканяна находилась закваска для сыра. В оставшейся перегоревшей массе в одном из этих парных сосудов были обнаружены зерна сорго, ягоды винограда (изюма по их внешнему виду) и обуглившееся органическое вещество, вероятно сычуг (вырезка из желудка животного). Это вполне соответствует и современной сычужной закваске, употребляемой в Армении; закваска изготавливается из сычуга, зерен пшеницы или гороха и сушеных ягод винограда или кизила. Двойной сосуд со сквозным отверстием, соединяющим обе половины, применялся для предохранения от попадания в молоко самой закваски.

Эти находки на Кармир-блуре, позволяющие нам осязать древнюю жизнь, дополняются еще запасом бутонов каперсов (*Caparis spinosa*), хранившихся в сосуде в засоленном или маринованном виде.

Урартская техника земледелия была очень высокой. Основные земледельческие орудия изготавливались из железа. В большом количестве найдены железные наконечники плугов или мотыг, серпы, ножи и другие хозяйственные орудия. Найдено также громадное количество каменных зернотерок, ступок и чаш с пестами, служивших для обработки зерна.

Садоводство также культивировалось урартами, но при раскопках Кармир-блуре обнаружено небольшое количество остатков плодов (определенных А. М. Вермишян). В одной кладовой оказалась кучка слив — алычи, в других найдено несколько половинок яблок, целый плод айвы, косточки мелкой вишни, куски корки граната, орехи и одна бусина, изготовленная из косточки персика.

Были также найдены семена культурного арбуза (*Citrullus edulis* Pang.), определенные С. С. Хачатряном. Принадлежность этих семян культурному арбузу, а не дикому, подтверждается хорошо сохранившимся и ясно выраженным ободком и рубчиком по краю семян, что совершенно отсутствует у дикого арбуза.

Развитое виноградарство хорошо освещено урартскими клинообразными надписями. Представлено оно и в раскопках Кармир-блуре. Весь материал по остаткам винограда был обработан С. А. Погосяном, который обнаружил семена винограда не только сортов «воскеат» («харджи»), но и «мехали». «арарати» («хачабаш»), а также некоторых сортов черного винограда. На одном деревянном блюде были найдены остатки изюма из сорта типа «кишмиш», хранившегося в прессованном виде.

Невозможно рассказывать о Кармир-блуре и не упомянуть о кладовых для вина, обнаруженных в цитадели крепости в количестве восьми. В них оказалось более четырехсот карасов, каждый емкостью от 800 до 1200 л, наполовину вкопанных в земляной пол. Таким образом, в крепости хранилось более четырехсот тысяч литров вина. Семь кладовых находилось в первом этаже, в сырых помещениях, лишенных дневного света. От них отличается одна кладовая для вина, площадью около 132 кв. м, расположенная на уровне второго этажа. Она, очевидно, не имела крыши и служила, по мнению Л. М. Джанполадяна, вероятнее всего для солнечной обработки вина. Выдержанное на солнце вино становилось густым и сладким, а Араратская равнина как раз дает виноград высокой сахаристости; весьма пригодный для таких сортов вина.

Вот те данные, которые получены об урартском земледелии и садоводстве при раскопках Кармир-блур.

Исследования цитадели города Тейшебы дали богатые материалы по культуре и искусству урартов и обрисовали взаимоотношения этого центра со странами древнего Востока, племенами Закавказья и скифами.

Урарты поднимали благосостояние и проводили хозяйственные и строительные работы в тех именно районах, где в III тысячелетии до н. э. возникали ранние земледельческо-скотоводческие поселения, которые потом заглохли, уступив ведущее положение горным районам. Земледелие на новом, высоком уровне стало развиваться в тех же местах, где оно зародилось, и стало основой рабовладельческих государств древнего Востока, а потом и государств Армении и Грузии.

Подобный же процесс наблюдается и в Средней Азии. Период начала первого тысячелетия и там знаменует новый, важнейший исторический этап¹. На базе развитого ирригационного земледелия начинают складываться рабовладельческие государства, возникают крупные города. Именно к VIII—VI вв. до н. э. относятся грандиозные ирригационные сооружения Хорезма, расширяются старые каналы и создаются новые оросительные системы в низовьях Мургаба и в северных областях. В это время происходил и интенсивный процесс сложения государственных образований. Так, в это время, по мнению С. П. Толстова, в Хорезме (нижнее течение Аму-Дарьи) возникло сильное рабовладельческое государство, что отчетливо показывают археологические данные. Наряду с Хорезмом возвышается Маргиана (долина р. Мургаба), Согдиана (бассейн Заравшана и Кашкадарьи) и Бактрия (среднее и верхнее течение р. Аму-Дарьи).

Включение некоторых стран Средней Азии в Ахеменидскую державу и последующие походы Александра Македонского в Бактрию и Согд вовлекли народы Средней Азии в широкие сношения с другими страна-

¹ Б. Б. Пиотровский, Новые данные о древнейших цивилизациях на территории СССР, «Доклады советской делегации на X Международном конгрессе историков в Риме», М., 1955, стр. 28—30.

ми древнего мира, вплоть до Греции и Египта, что усилило взаимное культурное влияние.

Ахеменидское влияние в середине I тысячелетия до н. э. распространилось также и на Закавказье. Как отчетливо показывают раскопки Кармир-блур, в начале VI в. до н. э., после ослабления центральной урартской власти, скифы, совместно с племенами Закавказья, стремившимися сбросить урартское иго, разрушили урартские административные центры. Тейшебаини, так же как и город Руса на Топрах-кала, в Ване, были разрушены, сожжены и представляли собою пожарища, на которых жизнь и не возобновилась. В ахеменидский период постройки возводились на иных местах, на местах старых урартских центров, где во второй период урартского государства жизнь на время затухла. Так, Ксеркс свою строительную надпись высек на Ванской скале, где возобновилась жизнь. В Закавказье мы также видим восстановление старого центра — Еребуни (Арин-берд), где были найдены предметы ахеменидского времени и два серебряных диобола города Милета, чеканенные после 478 г. до н. э. Да и сама крепость носит следы больших перестроек; к ахеменидскому вероятно времени относится и перестройка храма Бит-хилани в тридцатиколонный зал типа ападаны.

С падением древневосточных государств в Закавказье закончился целый исторический период. На территории распавшегося урартского государства образовалось большое число мелких стран, ранее входивших в его состав. На основе объединения этих стран, в процессе ассимиляции, начался длительный процесс сложения армянского народа, завершившийся в IV в. до н. э. созданием самостоятельного армянского государства, что ознаменовало новый подъем производительных сил. К сожалению, культура древнего периода армянского государства нам почти неизвестна, и именно на ее изучение следует направить внимание археологов. Тогда можно будет продолжить намеченную мною историю земледелия в Армении и связать ее с земледелием феодального периода, от которого дошел громадный материал, находящийся вне моей компетенции.

Нет сомнения в том, что исследование истории земледелия поможет выявить и проследить определенные закономерности развития, что является существом научных изысканий советской исторической науки.

ՀԱՅԳՈՒՅՆ ԵՐԿՐԱԴՈՐԾՈՒԹՅԱՆ ՀԻՄՆԱԿԱՆ ԷՏԱՊՆԵՐԸ ՀԱՅԱՍՏԱՆՈՒՄ

Հայկ. ՍՍՐ ԴԱ ԲԳԹԱԿԻԾ-ՎՆԴԱՄ Բ. Բ. ՊԻՍՏՐՈՎՍԿԻ (Լենինգրադ)

(Ա Վ Փ Ո Փ Ո Վ)

Անդրկովկասում երկրագործությունը ծագել է շատ վաղ, դեռևս նեոլիթի շրջանում, դա հաստատվում և բացատրվում է բուսաբանական ուսումնասիրություններով: Անդրկովկասը և նրա սահմանակից Առաջավոր Ասիայի մարզերը աչքի են ընկնում կուլտուրական հացաբույսերի տեսակների հարստությամբ, որտեղ նաև վաղրի հացաբույսերի բազմազանությամբ:

Երրորդ հազարամյակի (մ. թ. ա.) էնեոլիթի բնակավայրերի պեղումները տալիս են հնագույն երկրագործության ցայտուն պատկերը: Շենգավիթ լլրի բնակավայրում գտնված են հաճարի, ցորենի, դարու հատիկներ և հասկերի մնացորդներ: Հատիկները գտնված են խառնուրդի ձևով, որը վկայում է ցորենի և դարու խառը ցանքի մասին:

Անդրկովկասի էնեոլիթի կուլտուրայում երկրագործությունը զարգացել է անասնապահության հետ: Հայաստանի, Վրաստանի և Ադրբեջանի տերիտորիայում պեղված շատ բնակավայրերում գտնված են խոշոր և մանր եղջերավոր անասունների, բնակացրած ձիերի, խոզերի և շների ոսկորներ:

Էնեոլիթի բնակավայրերի ավելի ուշ շրջանի նյութերի համեմատությունը վաղ շրջանի հետ ցույց է տալիս մանր եղջերավոր անասունների քանակային աճը, որը կապված է անասնապահության տեխնիկայի փոփոխության հետ: Բնակավայրերին անմիջապես մոտ արոտավայրերը արդեն չէին կարող բավարարել կերի պահանջը, որի պատճառով ստիպված էին հոտը քշել բնակավայրից հեռու արոտավայրեր: Անասնապահության այդ ձևը կապված է ավելի պակաս պահանջկոտ և ավելի արագ տեղաշարժվող մանր եղջերավոր անասունների քանակի ավելացման հետ:

Արտադրողական ուժերի զարգացման ցածր մակարդակի պայմաններում անասնապահությունը տալիս էր ավելի մեծ հավելյալ մթերք, քան երկրագործությունը:

Երկրորդ հազարամյակի կեսերին Անդրկովկասում էնեոլիթի կուլտուրայի հիմքի վրա աճում է անասնապահական ցեղերի (Կուրգան, Ռրիալեթի, Կիրովական) հարուստ կուլտուրա:

Երրորդ էպոխան (երկրորդ հազարամյակի վերջը և առաջին հազարամյակի սկիզբը մ. թ. ա.) հանդիսացավ լեռնային ցեղերի տերիտորիալ սահմանափակ կուլտուրայի ինտենսիվ զարգացման շրջան, որ կապված էր լեռնային արոտավայրերի և հանքային հարստությունների յուրացման հետ:

Առաջին հազարամյակի սկզբում Անդրկովկասի հասարակությունը իրենից ներկայացնում էր ցեղային միություններ, որոնք գտնվում էին նախնադարյան—համայնական հասարակարգի վերջին աստիճանում: Դա հասարակության զարգացման այն էտապն էր, որի հիման վրա աճում էին վաղ շրջանի հին արևելյան պետությունները:

Սակայն հարավի ազդեցությունը և VIII դ. (մ. թ. ա.) Ուրարտական պետության կողմից Ֆերկայիս Հայաստանի հողերի նվաճումը խախտում են Անդրկովկասի հասարակության բնական աճն ու զարգացումը:

Ուրարտական Թեյշերաինի (Կարմիր-բլուր) քաղաքի պեղումները հարուստ նյութեր տվեցին ուրարտացիների երկրագործության և այգեգործության մասին: Գտնված են ցորենի, դարու, կորեկի, քունջութի պաշարներ, ինչպես նաև սալորի, խնձորի, սերկևիլի, բալի, նռան, դեղձի, ձմերուկի և խաղողի տարրեր տեսակներ:

Անկասկած օրինաչափ է այն վրաստը, որ Հին Արևելքի պետությունների տնտեսության հիմքը կազմում էր ոչ թե անասնապահությունը, այլ երկրագործությունը: Անդրկովկասում առաջին հազարամյակի առաջին կեսում (մ. թ. ա.) նկատվում է երկրագործության երկրորդ վերելք. երկրագործության համար բարենպաստ պայմաններ ստեղծվեցին տեսակների բնո-

րության և ստեղծման միջոցով, երկրագործության տեխնիկայի կատարելագործմամբ, մոլախոտերի ոչնչացմամբ, դաշտերի լավ խնամքով:

Անդրկովկասի հարավային մարզերի ներգրավումը Ուրարտական պետության կազմի մեջ, անշուշտ, դրական ազդեցություն ունեցավ երկրի արտադրողական ուժերի զարգացման, երկրագործության ինտենսիվացման վրա: Երկրագործությունը նոր, բարձր մակարդակի վրա սկսեց զարգանալ այնտեղ, որտեղ ծնվել էր: Այն շին Արևելքի պետությունների, ապա նաև Հայաստանի ու Վրաստանի ֆեոդալական տնտեսության հիմքը հանդիսացավ: